

Глава 12. Тот, кому он нанес рану

...Ци Цзю очень хотелось в это верить.

В конце концов, с тех пор как он устроился на эту работу — развозить «золотые пальцы» по мирам, — он посетил семьсот девяносто девять вселенных. И все это время он оставался образцом добродетели: никто еще не пытался так настойчиво его... обглодать.

Его наставничество над Е Байланом тоже строго соответствовало стандартам баффа «Добрый наставник и верный друг» — всё было продумано до мелочей, без единой лазейки для ошибок.

Всего несколько дней назад Е Байлан всерьез раздумывал, не поставить ли его на телевизор вместо украшения. Прошлое этого тела было полно постыдных страниц, и у Байлана — как у жертвы обмана — не было ни малейших причин так быстро менять свое мнение.

Возможно, это были остаточные явления бреда... или же у Байлана просто обострился перфекционизм, и он не мог вынести вида сухих губ, но при этом ему было лень тянуться за поилкой.

Существовала и ничтожная вероятность того, что Байлан, совершенно не разбираясь в китайской медицине, решил устроить ему сеанс массажа банками с помощью собственного рта.

Система: «...»

«Есть вопросы?» — осведомился Ци Цзю.

«Никаких, — отозвалась Система. — Скорее всего, он и правда ничего не смыслит в китайской медицине».

Затем она добавила: «Приготовься и засунь меня в карман. Е Байлан забирает тебя домой».

***

Е Байлан действовал стремительно.

Из-за тяжелого детства в его характере осталось мало человеческого, зато волчьего было в избытке. Например, он умел мастерски оценивать обстановку и никогда не оставлял путей к отступлению, действуя с той решительной жестокостью, которая свойственна тем, кому нечего терять.

А еще... едва завидев возможность, он спешил утащить добычу в свое логово. Спрятать так, чтобы никто другой не посмел даже коснуться.

Белый волчонок, которого Ци Цзю когда-то выхаживал, страдал тем же недугом: он бешено охранял еду, был подозрителен и в каждом видел врага, посягающего на его косточку. Стоило кому-то подойти, зверь выгибал спину, вздыбливал шерсть и предупреждающе рычал, скаля зубы.

Ци Цзю, выступая в роли той самой «косточки», запихнул комок бумаги, в который превратилась Система, в карман. Байлан не отходил от него ни на шаг: он буквально вцепился в него, пока Ци Цзю грузили в дорожную, полностью укомплектованную машину скорой помощи.

Байлан крепко обнимал его всю дорогу, пока вокруг пищали мониторы, и наконец они прибыли в ту самую роскошную квартиру, о которой Ци Цзю так мечтал.

Е Байлан был действительно сказочно богат.

Деньги решали многие проблемы. К моменту их приезда спальня уже была заставлена отлаженным медицинским оборудованием, а вся мебель, не подходящая для ухода за больным, безжалостно выброшена. Байлан даже умудрился впихнуть в гостиную складную кровать для сопровождающего.

Ци Цзю, пристегнутый фиксирующими ремнями к инвалидному креслу, никак не мог взять в толк ход мыслей этого волчонка:

— Зачем ты купил раскладушку?

— В каком смысле? — Байлан толкал кресло, и вид у него был прескверный. Казалось, он снова на что-то злится, голос его звучал хрипло и тягуче.

Он обошел кресло и, упершись руками в подлокотники, вперился взглядом в Ци Цзю:

— Ты не хочешь... чтобы я спал?

— Хочу, — Ци Цзю резонно озвучил сомнение. — Но разве диван не подойдет?

Зачем нужна раскладушка, если в гостиной стоят диваны? Неужели они предназначены лишь для того, чтобы подчеркивать бескрайнее одиночество Байлана в те ночи, когда Ци Цзю не будет приходить в себя?

Е Байлан: «...»

Ци Цзю не вовремя прыснул со смеху.

Эта реакция подействовала на Байлана как красная тряпка: мертвенная апатия мгновенно испарилась, и он снова превратился в ошетинившегося волчонка.

— Ты чего ржешь?!

— Фитнес, тренажеры, работа с весами, — Ци Цзю слабо пошевелил пальцами, постукивая по руке Байлана, сжимавшей подлокотник. — Точно не хочешь попробовать?

Тело Байлана одеревенело. Он замер в ледяном молчании, а затем медленно убрал руки и отступил. Вернувшись за спинку кресла, он снял его с тормоза и покатил к кровати.

Переезд из больницы домой стал для нынешнего тела Ци Цзю тяжелейшим испытанием. Ему был жизненно необходим покой.

Байлан расстегнул ремни и подхватил обмякшее тело. Он боялся ослабить хватку ни на мгновение, затаив дыхание и чувствуя каждое мимолетное движение в своих руках.

Ци Цзю совершенно не держался — и дело было не в отсутствии желания помочь, он просто физически не мог этого сделать. Его состояние было критическим: даже врачи лучшей клиники города, созывая консилиум за консилиумом, твердили о ничтожных шансах на пробуждение. То, что он открыл глаза и мог говорить, уже было чудом.

Даже такое осторожное перемещение заставило Ци Цзю смертельно побледнеть, а на лбу выступила холодная испарина.

Байлан бережно перенес его из кресла на постель. Не выпуская его из рук, он медленно выпрямился, позволяя Ци Цзю прижаться лбом к своему плечу. Подняв руку, он неловко, подражая жестам самого Ци Цзю, принялся поглаживать его по затылку.

Глаза Ци Цзю были открыты, но янтарные зрачки смотрели в никуда. Байлан отчетливо чувствовал, как человек на его плече то и дело проваливается в забытие — за эти несколько минут он терял сознание раза три или четыре.

Жесткие короткие волосы намokли от пота и покалывали ладонь Байлана.

— ...Хочу, — наконец глухо отозвался он. Обложив Ци Цзю подушками, он эхом повторил его слова: — Фитнес, тренажеры, силовые нагрузки. Что еще?

Ци Цзю, которого раз за разом выбрасывало из сознания, едва услышав это, изумился:

— Какой послушный.

Е Байлан: «...»

Он когда-нибудь точно умрет от злости на этого мошенника.

— Волнуешься за меня? — Ци Цзю, утопая в подушках, медленно перевернул ладонь и поманил его пальцем.

У него не было сил поднять руку, поэтому Байлану пришлось склониться самому.

— Пустяки, — прошептал Ци Цзю. — Вылечусь — и всё будет в порядке.

Лицо Байлана оставалось мрачным, взгляд — тяжелым и нечитаемым, но он всё равно послушно придвинулся ближе, буквально свернувшись клубком у руки Ци Цзю. Тот, с помощью самого же Байлана, приподнял ладонь и принялся приглаживать вихры волчонка.

— Слушай внимательно... Ближе. Я нечасто буду в сознании.

Режим энергосбережения оправдывал свое название: скудные запасы энергии нужно было экономить, их нельзя было равномерно распределить на все двадцать четыре часа. Ци Цзю договорился с Системой, что будет проводить в спячке по шестнадцать часов в сутки. Зато в оставшиеся восемь он сможет проявлять хоть какую-то активность, а не лежать овощем.

Ци Цзю работал на износ и был совсем не против просто полежать, нежась на солнышке и время от времени подбрасывая Байлану «золотые пальцы», чтобы потом пожинать плоды комиссионных. Но Байлана, похоже, его состояние доводило до иступления. Настолько, что уровень его почернения постоянно колебался, а на инвалидное кресло он смотрел как на заклятого врага.

— Давай договоримся, — сказал Ци Цзю. — Не смей гробить свое тело. Ты должен спать и нормально есть.

Строго говоря, первый пункт включал в себя два последующих, но Ци Цзю счел нужным выделить их отдельно. Иначе этот волчонок точно решит не есть и не спать, круглосуточно дежуря у кровати в ожидании тех восьми часов, когда Ци Цзю очнется, и попутно накачиваясь какими-нибудь БАДами для бодрости.

Байлан замер под его рукой. Совсем исхудавший, с острым подбородком, на котором почти не осталось плоти, он уткнулся лицом в сгиб локтя и молча кивнул.

Ци Цзю уточнил:

— Я про тебя говорю.

Е Байлан: «...»

Он выглядел раздраженным. Машинально ковыряя рану на ладони, он помолчал несколько секунд, прежде чем медленно выдавить:

— ...Ладно.

— За послушание положена награда, — Ци Цзю привык поощрять верные действия. — В моем рабочем столе, в третьем ящике... открой его и принеси мне пластырь.

Байлан замер, будто не сразу осознав просьбу. А когда понял, ему явно не хотелось отстраняться от руки Ци Цзю.

Ци Цзю легонько потянул его за волосы:

— Три.

Е Байлан: «...»

— Два, — Ци Цзю нащупал еще одну прядь. — Живо.

Волосы выдирать куда проще, чем ресницы. Ему даже помощь Системы не требовалась — хватай любую горсть.

Байлан, вконец разозлившись, вскочил, прикрывая голову руками. Но Ци Цзю тут же поймал его за одежду:

— Не смей ходить босиком.

Байлан был на грани истерики. Он не выдержал и выпалил:

— Ты опять врешь?! На самом деле ты притворяешься больным и всё прекрасно видишь, да?!

Иначе как этот невыносимый лжец, что бы Байлан ни делал и ни говорил, умудрялся ловить его на месте преступления?! Причем каждый раз — в яблочко!

Слова были брошены в порыве гнева, но едва они сорвались с губ, Байлана накрыла волна жгучего раскаяния. Он никогда раньше не чувствовал ничего подобного. В голове будто

закипела лава, лицо обдало жаром. Он открывал и закрывал рот, не зная, что делать — его охватила паника, смешанная с безнадежностью и тревогой.

...Что он только что наговорил Ци Цзю?

— ...Волчонок?

Ци Цзю почувствовал неладное и попытался приподняться на локтях, но Байлан тут же бережно подхватил его. Система, которую Байлан случайно зафутболил под кровать, в это время пыталась выбраться из щели в полу, так что Ци Цзю остался без видеонаблюдения и не знал, что происходит с Байланом. Но на вопрос ответить мог.

— Я не вру тебе, — заверил он. — На этот раз честно. Я действительно почти ничего не вижу.

Он подсознательно пытался скрыть это, стараясь поворачиваться на звук, и даже если перед глазами были лишь мутные пятна и тени, он заставлял себя не закрывать веки.

...Но, пожалуй, хорошо, что они это обсудили вот так — грубо и в лоб. Ци Цзю не хотелось продолжать этот спектакль, когда опухоль окончательно сдавит зрительный нерв и мир погрузится в абсолютную тьму. В конце концов, для этого изношенного тела даже держать глаза открытыми было непозволительной тратой энергии.

— Зато слух у меня в порядке. По звуку я всегда пойму, где ты и что делаешь, — терпеливо объяснял он. — И вообще... разве я могу не знать, босой ты или нет?

Если бы в человеческом обществе не считалось неприличным ходить без одежды, Ци Цзю, пожалуй, уже начал бы подозревать, что этот волчонок может заявиться к нему в объятия голышом.

...Грешные мысли.

Ци Цзю сам ужаснулся своим предположениям, решив, что это Байлан на него так дурно влияет. Он мысленно велел Системе, барахтавшейся под кроватью, немедленно заказать в штаб-квартире ящик эликсира для убежденных холостяков.

Байлан неподвижно стоял у кровати, крепко обнимая его. Он молчал, дыша тяжелее обычного, а в горле у него застрял непривычно горький ком.

— О чем ты думаешь? — сейчас сил у Ци Цзю было чуть больше, и он провел рукой по переносице волчонка вверх, к взъерошенным волосам. — Иди же. Брат наклеит тебе пластырь.

Он решил поддразнить его и легонько ткнул пальцем в холодный лоб:

— Тот самый, с большими черными крыльями.

В последнее время, когда заняться было решительно нечем, он нарисовал их несколько сотен. Если Байлан не будет беситься и резать себя ножами или стеклом, этого запаса хватит еще года на три после его, Ци Цзю, смерти.

Байлан замер с остекленевшим взглядом. Он механически выполнил поручение: осторожно уложил Ци Цзю на подушки, надел тапочки и пошел открывать тот самый ящик.

***

Байлан стоял в шаге от кровати, сжимая в руке пластырь, и, затаив дыхание, смотрел на Ци Цзю. Он наговорил лишнего, но Ци Цзю, кажется, совсем не обиделся. Он даже был в хорошем расположении духа, пытаясь нащупать что-то руками.

Его янтарные глаза, раньше такие теплые и яркие, вечно лучившиеся ехидством, которое так злило Байлана, теперь подернулись туманной пеленой. Взгляд стал тусклым и потерянным.

Поплатившись за свои слепые поиски, Ци Цзю случайно задел стоявший у кровати стакан с горячей водой и тут же отдернул руку. Он зашипел от боли и принялся трясти кистью, дуя на обожженные пальцы.

Глядя на его неудачу, Байлан почувствовал что-то вроде удовлетворения — месть свершилась — и невольно хмыкнул.

И в то же мгновение его пронзила такая невыносимая, острая боль, какой он не знал никогда в жизни.

Если раньше страх, мука и отчаяние Байлана рождались из мыслей: «Я могу потерять Ци Цзю» или «Он меня бросит»... то эта боль была целиком и полностью из-за самого Ци Цзю.

Байлан напрочь забыл о себе. Причина его страданий больше не имела к нему никакого отношения.

Он сжимал в пальцах пластырь с нарисованными черными крыльями и смотрел на Ци Цзю. В голове билась одна-единственная мысль: что делать с его болезнью? Как быть? Ци Цзю будет становиться всё хуже, ему будет больно, он не сможет есть и спать, он окончательно ослепнет.

Почему нельзя вырвать собственные глаза и отдать их ему? Почему эта дрянь в голове Ци Цзю не выросла у него, Байлана? Он не боится боли, не боится смерти — почему он не может болеть вместо него?! Почему не может отдать ему свою жизнь, лишь бы Ци Цзю прожил этот призрачный год?!

Байлан никогда не знал подобной муки. Ему не хватало воздуха. Собрав всю волю в кулак, он заставил себя подойти ближе. Он вложил свою руку в ладонь Ци Цзю, позволяя тому нащупать рану и наклеить пластырь.

Ци Цзю аккуратно пристроил наклейку и, оставшись доволен работой, подул сначала на свои обожженные пальцы, а потом и на его руку:

— Вот и всё. Больше не болит.

— Если еще раз посмеешь лезть в воду или ковырять болячку — будешь клеить сам, я и пальцем не пошевелю, — строго выговаривал он нерадивому волчонку. — Я нарисовал их не так много, так что трать с умом. Если рана не заживет, ты будешь изводить по три штуки в день...

Ци Цзю не договорил. Он почувствовал, что Байлан ведет себя странно. Коснувшись его глаз, он с изумлением обнаружил на пальцах горячую влагу.

Байлан беззвучно шевелил губами, пока наконец судорожный выдох не сложился в слова:

— Прости...

Ци Цзю не сразу понял, к чему это. Он потрепал его по голове:

— За что ты извиняешься?

С каких это пор волчонок выучил слово «прости»? Его «золотой палец», отвечающий за человечность, никак не желал приживаться — неужели он случайно выронил его, а Байлан подобрал и съел?

***

Е Байлан чувствовал во рту густой привкус крови.

Всё зашло слишком далеко, и все ошибки были делом его рук. Перед выпиской он узнал от врачей все подробности: опухоль расположена крайне неудачно, она неоперабельна. Попытка хирургического вмешательства означала бы смерть прямо на операционном столе. Но даже при поддерживающей терапии, капельницах и лекарствах — при использовании всех доступных средств — ему осталось не больше года.

Ци Цзю не проживет и года — таков был вердикт врачей. Байлан не верил. Он засыпал людей поручениями, требовал искать специалистов, созывать консилиумы.

Ответов еще не было. Байлан не выпускал из рук телефон. Раньше он не хотел слушать Ци Цзю и учиться вещам, которые могли бы «помочь его голове». И теперь он, словно неграмотный дикарь, в растерянности листал страницы в сети, хватаясь за любую информацию.

Кто-то писал, что эта болезнь приносит страшные муки, что «раскалывающаяся голова» — это не метафора, а суровая реальность. Писали о потере аппетита и сна, о том, как крепкие люди на глазах превращаются в тени самих себя. Писали, что тяжелее всего — лежать прикованным к постели, всё слышать и ловить на себе косые взгляды, полные жалости или презрения.

...Байлан читал всё это всю дорогу до самого дома.

Читал, пока Ци Цзю, всего секунду назад смеявшийся вместе с ним, терял сознание на его плече. Стоило Байлану бережно поднять его из кресла, как Ци Цзю судорожно сглотнул, пытаясь подавить тошноту, его сердце забилося в лихорадочном ритме, и он беззвучно обмяк.

Байлан хотел забрать его болезнь себе, но не мог. Он погубил Ци Цзю своим неверием. Он ничего не мог исправить, даже не мог забрать назад те подлые, жестокие слова, что когда-то наговорил ему.

Раньше никто не заботился о его чувствах. Его позор выставляли на посмешище, его боль делали достоянием общественности. И он в ответ перестал считаться с кем-либо. Он стал подобен клинку, не знающему ножен: разил наповал, не разбирая дороги, калеча и чужих, и своих.

...Но теперь он раскаялся.

Тот, кому он нанес рану, был Ци Цзю.

<http://bllate.org/book/16113/1588334>